

IV.

Свадебные обряды у литовцевъ,

въ Шадовскомъ приходѣ, Шавельского уѣзда.

Браки у литовцевъ совершаются рѣдко по влеченію сердца, по болѣе по хозяйственнымъ расчетамъ. Сплошь и рядомъ бываютъ случаи, что, до вступленія въ бракъ, женихъ и невѣста совершенно не знаютъ одинъ другого и будущую жизнь свою устраиваютъ по соображеніямъ родителей при помощи сватовства. Когда родители порѣшатъ женить своего сына, они обращаются къ содѣйствію свата, которому и поручаютъ выбрать обязательно трудолюбивую дѣвицу. По народному литовскому понятію, трудолюбіе есть главное достоинство, какъ мужчины, такъ равно и женщины; дѣвшка не выходитъ замужъ раньше, чѣмъ не покажетъ работы своего рукодѣлія. Такъ въ одной литовской пѣснѣ выхваляется дѣвица за то, что хорошо шьетъ, прядеть, бѣлье моетъ. „Отчего ты, дѣвица, не ходишь въ хороводъ?“.—„Сидѣла дѣвица за столикомъ, ткала красно, матери угощала, потому и въ хороводъ не ходила“. Точно также и молодому парню честь и хвала за трудолюбіе: „Хорошій молодецъ въ хороводъ идетъ, плугъ снарядивши, а изъ хоровода идетъ—землю пашетъ“. Восхваляя свою избранную, парень говоритъ, что онъ „узнаетъ ее между всѣми дѣвицами по чистой одѣждѣ, по тонкой ткани, по новымъ красамъ“.

Выбираясь изъ дома на смотрины, молодой становится на колѣни и просить благословенія у родителей, послѣ чего въ сопровожденіи „виршиса“ (свата), который обыкновенно избирается изъ родственниковъ или близкихъ, зажиточныхъ сосѣдей, фдуть къ намѣченной невѣстѣ; при этомъ берутъ съ собою бутылку вина, двѣ-три бутылки водки и одинъ-два фунта конфетъ. Войдя въ домъ, сватъ привѣтствуетъ хозяевъ обычнымъ возгласомъ: „Да будетъ благословенъ Іисусъ Христосъ“! Потомъ здоровается

со всѣми, вынимаетъ бутылку, просить рюмку и, получивъ ее, выпиваетъ прежде самъ, потомъ приглашаетъ присутствующихъ. Родители уже обыкновенно знаютъ, въ чемъ дѣло, но сватъ не обращаетъ на это вниманія и начинаетъ разговоръ издалека: „У старого Дочкуса изъ Жилянъ“, говорить онъ напримѣръ, „есть молодой голубь, бѣлый, красивый; бѣда въ томъ, что нѣтъ ему голубки. Ахъ, какой голубь, какой голубь!... За горами мы слышали, что есть у васъ голубица. Нельзя ли соединить этихъ голубковъ? Сколько было бы птенчиковъ бѣлыхъ, золотыхъ, алмазныхъ!...“ Весь этотъ разговоръ ведется стоя, при чёмъ лошади пріѣзжихъ стоять привязанными у воротъ. Родители—if согласны—отвѣчаютъ: „Герай, благословикъ Деве“ (хорошо, благослови Боже!); если же не согласны, то говорятъ: „Нѣтъ у насъ голубицы“. Въ случаѣ согласія—показываютъ невѣсту, и хозяинъ велитъ распрягать лошадей: начинается угощеніе. Женихъ при этомъ вынимаетъ конфеты и подносить невѣстѣ.

Тутъ-же за столомъ сватъ и хозяева ведутъ разговоръ о приданномъ. Часто случается, что „пирслис“ заламываетъ порядочный кушъ, женихъ однако понижаетъ его, но при этомъ просить родителей невѣсты, чтобы они всѣмъ знакомымъ своимъ говорили, что дали приданное больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ обѣщаютъ дать.

Послѣ окончательного уговора* „пирслис“ съ женихомъ ночуютъ, а на другой день виѣсть съ отцомъ или братомъ невѣстыѣдутъ въ домъ жениха на „жвалгай“ (смотрины). Войдя въ домъ, отецъ невѣсты спрашиваетъ родителей жениха, ожидаютъ ли они гостей, примутъ ли хорошо? и т. д. Затѣмъ начинается угощеніе, послѣ чего хозяева показываютъ свое хозяйство и свое имущество, которое обѣщаютъ отдать сыну, съ тѣмъ, что онъ выплатить слѣдуемую долю остальнымъ братьямъ и сестрамъ, а имъ, старикамъ, будетъ выдавать такъ называемую „эксцепцію“, т. е. известное количество продуктовъ. Послѣ осмотра хозяйства опять начинается угощеніе, которое продолжается иногда и до утра. Тутъ-же назначаютъ день для даль-

* Сопровождающагося иногда рядною записью въ книгѣ сдѣлокъ и договоровъ при волостномъ правлении.
Примѣч. Ред.

нѣйшихъ переговоровъ и обрученія, которое сопровождается также угощеніемъ.

Послѣ обрученія женихъ даетъ невѣстѣ подарки и деньги на кольца: „ант жедо“. Затѣмъ женихъ и невѣста въ сопровожденіи двухъ свидѣтелей ѻдуть на экзаменъ къ настоятелю костела, который требуетъ отъ обоихъ знанія повседневныхъ молитвъ, заповѣдей и главнѣйшихъ догматовъ вѣры, ксендзъ дѣлаетъ обычное оглашеніе. Потомъ, назначивъ день вѣнчанія, обѣ стороны приготавливаются къ свадьбѣ. Въ этотъ промежутокъ времени женихъ по два раза въ недѣлю ѻздастъ къ невѣстѣ съ угощеніями, а за нѣсколько дней до свадьбы привозить вторично подарки невѣстѣ, ея матери и сестрамъ; молодая же показываетъ ему свои подарки, предназначенные для семьи жениха. За три дня до бракосочетанія невѣста ходить ежедневно по всѣмъ хозяевамъ своей деревни и приглашаетъ ихъ на свадьбу, кланяясь и цѣлуя каждого изъ приглашаемыхъ. Послѣ третьаго оглашенія,—обыкновенно во вторникъ—бываетъ вѣнчаніе.

Празднованіе свадьбы всегда начинается съ понедѣльника и продолжается цѣлую недѣлю поперемѣнно, то въ домѣ жениха, то въ домѣ невѣсты, при чёмъ идетъ обильное угощеніе и поются различныя пѣсни, сопровождаемыя извѣстными церемоніями.

Свадебная пѣсни литовцевъ большею частью грустнаго содержанія. Невѣста оплакиваетъ минувшія лѣта своего дѣтства, разлуку съ родной семьей и переходъ въ другое семейство. Мать тоже грустить съ нею: „Пойди, моя доченька, моя молодая, говорить мать,—пойди въ рутовой садочекъ! Что-то твоя рута, твоя зеленая, твоя пышная? Наклонились ея вѣточки до земли. Сорви моя доченька, моя молодая, цвѣточки въ саду! Вотъ уже полонъ дворъ гостей; засядутъ они за бѣлые столы; а съ ними жениховы сестры. Ты уѣдешь моя доченька, моя молодая, съ гостями въ чужую сторону, не услышишь, какъ загрузить той батюшка, какъ вздыхать станетъ твоя матушка; не увидишь какъ будутъ танцевать твои сестрицы, только услышишь какъ станетъ куковать кукушка, да синее море будетъ шумѣть у берега!...“ *)

*) Читатель проститъ насъ за не совсѣмъ складную русскую рѣчь перевода: необходимо было для научно-этнографической точности держаться близко подлинника.

Прим. ред.

„Помостила бы я мосточки, поетъ невѣста, изъ чистаго серебра, что бы можно было воротиться къ матушкѣ, къ моей молодости; зазеленѣть рута, разцвѣтуть розы, а молодости моей никогда не увижу“. „Какъ вы хотите, чтобы я весела была?“ обращается невѣста къ сестрамъ: — „Я никогда не возвращусь къ матушкѣ; кто мои руки—ноги согрѣть, кто меня ласковымъ словомъ приголубить? Свекоръ согрѣть руки и ноги; милый заговоритъ ласковымъ словомъ“.

Наканунѣ вѣнчанія женихъ съ „пиршиломъ“ въ сопровожденіи „бролайчей“ (шраферовъ) и „памэргэй“ (подругъ невѣсты) везутъ вѣночъ для невѣсты; ихъ встречаютъ на дворѣ съ крикомъ, шумомъ и пѣснями; при этомъ „пиршилс“ и „бролайчей“, не слѣзая съ воза, поютъ:

„Здравствуй, моя милая!
Примѣши ли ты меня первого?
Ты была для меня чужою,
А съ завтрашнягодня будешь самой
милою“.
Она крѣпко задумалась;

Заболѣло сердце, стала плакать.
— „Неужели другой себѣ не выберешь,
Неужели на вѣкъ меня купишь?“
— „Развѣ забыла, что говорила,
Дала мнѣ руку—обѣщала“?

Послѣ этого всѣ идутъ въ хату, гдѣ „пиршиль“ вынимаетъ нѣсколько бутылокъ вина, водки и каравай („карвоюс“) и всѣ остаются въ домѣ невѣсты. На другой день, передъ отѣздомъ въ костель „пиршиль“ съ „бролайчами“ угощаетъ вѣхъ собравшихся; послѣ чего передаетъ одной изъ „памэргэй“ вѣночъ изъ руты съ примѣсью бѣлыхъ цвѣтовъ. Подавая вѣночъ, „пиршиль“ говоритъ: „Да будетъ благословенъ Иисусъ Христосъ! Прошу всѣхъ гостей послушать и уши развѣстить, потому что уже пора мнѣ начать говорить: Миръ сему дому, отцу, матери, братьямъ, сестрамъ; каждому маленькому и большому, и этой госпожѣ, украшенной вѣнкомъ, и этимъ дѣвушкамъ—„бѣлымъ головамъ“ *), и этому покрытому столу, похожему на престоль, и этому всему собранію. По старому обычая, каждый человѣкъ дойдя до зрѣлаго ума, долженъ избрать себѣ такой образъ жизни, въ которомъ онъ могъ бы вѣро служить Богу. Поэтому, по указанію св. Духа, добрый молодецъ NN избралъ себѣ въ подруги самую красивую и лучшую изъ дѣвицъ (имя

*) „Бѣлыми головами“ на Литвѣ замужнихъ женщинъ называютъ по цвѣту головныхъ покрытий или повязокъ „нуметас“, срвн. малорус. „намитка“.

Прим. ред.

невѣсты) въ этомъ домѣ воспитанную большими заботами отца и матери (имя родителей).

Желая показать свое доброе сердце, но не имѣя возможности это сдѣлать собственными силами, онъ (женихъ) посыаетъ меня своего друга, съ сердечнымъ словомъ и съ вѣнкомъ изъ руты, какого никто и нигдѣ не имѣеть.

Черезъ зеленую рощу мы шли, въ этой рощѣ чудное деревцо нашли, а въ этомъ деревцѣ золотое креслецо, и на этомъ креслецѣ птички чирикали: Посѣяли руту въ цвѣтникѣ, а каковъ цвѣтничекъ отъ, золотые столбики, серебряная пряслица! Выросла рута: пришла св. Елисавета, зеленую руту рвала, вѣночекъ сплетала; вѣночекъ сплетала и намъ предлагала, а мы принять просимъ и считать хорошимъ”.

Но тутъ прерываетъ его одинъ изъ „бролайтисовъ“ невѣсты говоря: „Не подобаетъ и не прилично уже мнѣ молчать предъ вашей милостью и показывать, будто я не въ состояніи произнести ни одного слова. Вашъ вѣнокъ не отъ чистаго сердца, да и свѣтъ онъ изъ цвѣтковъ завидшей крапивы! Такого вѣнка мы не можемъ принять и возложить его на дѣвичью голову. Однакоже просимъ на насть не сердиться и исправить свою ошибку“.

На это отвѣчаетъ ему тотъ же старшій „бролайтисъ“: „Хорошо же, мой братецъ, что ты прервалъ мою рѣчъ и всталъ на мою дорогу! Можешь ли ты порицать слова Самаго Господа Иисуса? Когда мы шли большой дорогой, то мы нашли возлѣ дороги кленовое деревцо, и въ этомъ кленовомъ деревцѣ золотое креслецо, и на этомъ креслецѣ сидя, Господь Иисусъ Христостъ говорилъ своимъ ученикамъ поученіе, и, говоря, вступилъ въ небесное обиталище, и намъ прислалъ трость изъ Египетской земли, и на этой тросточкѣ цвѣтокъ льна, и на этомъ цвѣточкѣ льна былъ цвѣточекъ руты“.

Тутъ его опять прерываетъ невѣсты „бралайтис“, говоря: „Не желаемъ мы ваше вранье слушать и свою дѣвицу такою дрянью украшать, потому что этотъ вашъ вѣнокъ пятью бабами плетенъ, шестью клячами везенъ, изъ которыхъ одна изъ Шадова, да и та безъ хвоста!“.

На эти слова „бролайтис“ жениха отвѣчаетъ: „Не говорите глупостей, братецъ: эта руточка-травка Пресвятой Богородицы. Іисусъ Христосъ сорвалъ цвѣтокъ, Пресвятая Богородица сплела вѣнокъ. Рута эта на сто вѣтокъ развѣтвлялась, сотнями листьевъ покрывалась; въ Пасхальное утро сквозь ледъ росла, въ пятидесятницу утромъ радостно разцвѣла. Этотъ вѣнокъ брильянтами и жемчугомъ былъ поливаемъ, въ золотой чашѣ лежалъ, шелковой ниткой перевязанъ, бѣлыемъ платкомъ покрыть, не замоченный, не засушенный: только для молодыхъ дѣвицъ подходящій; никто пальцемъ до него-то не дотронулся, худымъ словомъ о немъ не обмолвился! Благословили его отецъ съ матерью. Съ покорностью прошу принять этотъ вѣнокъ изъ моихъ рукъ, не на долгое время, но только на этотъ милый сегодняшній вечерокъ.“

Тогда одна изъ „памэргис“ или подругъ невѣсты беретъ вѣнокъ и надѣваетъ на голову невѣсты, которая бросается подъ ноги своихъ родителей, прося благословенія; между тѣмъ „бролайтис“ приготовляется къ выѣзду, запрягаютъ лошадей, и, когда все уже готово къ отѣзду, то всѣ поютъ слѣдующую пѣсеньку:

Рано утромъ встала,
Въ цвѣтничокъ пошла
Охъ иѣтъ тамъ вѣночка
Изъ зеленої руты!
Изъ цвѣтника возвращалась
Съ маменькой распрошалась
Приговаривала: охъ, прощай, охъ,
 прощай,
Маменька моя!
Больше я не возвращусь...
Я можетъ быть и возвращусь,
Навѣщу—провѣдаю,
 но своей милой матушкѣ

Работушки уже не буду работать.
Лошадки запряжены,
У воротъ поставлены:
Охъ провожаютъ меня, провожаютъ
Конныхъ множество;
По срединѣ паренекъ милый.
Черезъ поля пойду—
Телѣга будетъ качаться;
Черезъ рощу пойду—
Кукушка будетъ куковать.
Увижу я свое горюшко
У вороточекъ свекрови.

Дѣвица, которой вручается вѣнокъ, должна имѣть еще бантикъ изъ вѣточки руты и бѣлой ленточки, который прикалывая къ юртуку жениха и говорить: „Принимая этотъ вѣнокъ, даемъ, при всей этой компаніи, взамѣнъ зеленой рутяной цвѣтокъ сохранившійся въ чистотѣ“. Затѣмъ „молодые“ встаютъ на колѣни передъ родителями невѣсты, которые ихъ благословляютъ и тутъ же въ присутствіи всѣхъ отдаютъ жениху деньги, предназначенные въ приданное за ихъ дочерью. „Молодые“

кланяются до пояса всѣмъ присутствующимъ, садятся на телѣги и ёдуть въ костель въ лучшихъ повозкахъ, при чемъ сбруя на лошадяхъ бываетъ разукрашена лентами, цвѣтами, а зимою разноцвѣтной бумагой. У „бролайчей“ къ сюртукамъ и шапкамъ приколоты вѣточки изъ рути и другихъ цвѣтовъ. Зимою руту замѣняетъ во всѣхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ комнатный цвѣтокъ — мирила, которую старается имѣть у себя дома каждая взрослая дѣвушка.

Въ костель жениха къ вѣнцу ведутъ „памэргэй“, а невѣсту „бролайчай“. Невѣста имѣеть вѣнокъ изъ рути съ примѣсью бѣлыхъ цвѣтовъ, а ея подруги такие же вѣнки, но разноцвѣтные.

Послѣ вѣнца всѣ ёдуть въ домъ невѣсты, гдѣ ее встречаютъ съ хлѣбомъ и солью и поютъ:

„Здравствуй, барышна!	— „Ахъ ты, малодая паненочка,
Кто надѣлъ на тебя чепецъ?	Гдѣ оставила вѣночекъ?“
— „Этотъ молодой паренекъ,	— „Его сняли дѣвицы
Надѣлъ на меня чепецъ.“	И положили на аналой;
— „Ахъ ты молодая барышна,	Его посвятилъ ксендзъ
Гдѣ оставила молодые дни свои?“	И отнялъ у меня имя (фамилію дѣ- — „Я не одна, но въ присутствіи всѣхъ вичью).
Оставила ихъ у алтаря“.	

Потомъ „пиршилс“ ставить на столъ напитки и каравай и пить за здоровье родителей невѣсты; родители же пьютъ за здоровье молодыхъ, при этомъ мать спрашиваетъ свою dochь: „Ужели ты, доченька, уже не моя?“ „Пиршилс“ отвѣчаетъ: „Уже не твоя!“ Тогда мать обращаясь къ молодому говоритъ: „Дорогой зять (называется по имени), сыночекъ мой, будь для нея и отцомъ и матерью!“.

Шопировавъ здѣсь, вся молодежь, сть новобрачными во главѣ, отправляются къ главной свахѣ (свочію), которая приглашаетъ гостей за столъ, а „пиршилс“ ставить свои напитки и, не садясь за столъ, угощаетъ присутствующихъ. Затѣмъ сваха усаживаетъ и угощаетъ его; послѣ чего „бролайчай“ со стороны жениха и невѣсты угощаютъ всѣхъ своимъ виномъ, пивомъ, водкою и конфетами; все это сопровождается различными пѣснями, шутками и танцами, которые продолжаются до поздней ночи. Наконецъ „пиршилс“ приказываетъ всѣмъ расходиться и новобрачные, сопровождаемые всею молодежью, при звукахъ музыки, возвращаются въ домъ невѣсты, гдѣ при благословеніи

родителей дружки снимаютъ съ головы невѣсты вѣнокъ и надѣваютъ чепецъ или платокъ, запѣвая при этомъ пѣсни о потерѣ вѣнка:

Молодуха—лилія,
Куда дѣла вѣнокъ?
Вчера, вчера вечеркомъ
Снялъ паренекъ.
Потопталъ-помялъ
Въ черную грязь...
Никто не скажетъ что дѣвица,
Всѣ скажутъ, что молодуха.
Никто не назоветъ настоящимъ именемъ

Всѣ будуть звать именемъ мужа.
Снимутъ вѣнокъ, надѣнутъ чепецъ,
На голову тяжесть:
На голову тяжесть,
На сердце печаль.
О, вѣночекъ мой,
О, травка моя:
Легкій ва головѣ,
Веселый на сердечкѣ.

Послѣ этого отправляютъ молодыхъ спать. На утро молодыхъ встрѣчаютъ съ музыкой, пѣснями и опять всѣ отправляются къ свахѣ, которая въ этотъ день угощаетъ гостей уже своими напитками. „Бролайчей“ сюда же приносятъ вино и конфеты и угощаютъ исключительно только „шамэргей“, ъздѣть съ ними кататься и кутять на славу. Въ продолженіи же этихъ двухъ дней въ домъ жениха и невѣсты пирушка не прекращается: угощаются старики.

Въ тотъ же день подъ вечеръ сваха съ гостями отправляется въ домъ невѣсты, при чемъ первая береть съ собою свою выпивку и закуску. А къ этому времени пріѣзжаютъ со стороны жениха „крайчважей“ (везущіе приданное) на лошадяхъ, украшенныхъ въ фантастическую соломенную сбрую, въ шапкахъ, изукрашенныхъ соломою и лентами, съ эполетами изъ соломы и съ саблями, сдѣланными изъ дерева и оклеенными блестящей бумагою; они съ собою привозятъ водку и пирогъ, данный имъ матерью жениха. Встрѣчая „крайчважей“, сваха поетъ:

„Прѣѣхали эти гости,
Даже плечами я повела;
Наѣхалъ полонъ дворъ!
Смотрѣть родители, что тутъ дѣлается?
Такіе гости очень странные,
Кажутся какими-то солдатами.
Родители говорить: что такое?
На плечахъ эполеты...
Большіе и малые смотрѣли,
Какъ у боковъ ихъ сабли сверкали;
Они топали и кривили ногами,
Въ шапкахъ на бекренъ.
Никто не можетъ описать,
Какъ украшены ихъ шапки!
Одни говорить, что это лгуны,

Другіе говорить, что это воры.
Они смотрѣть и оглядываются,
Чтобы увидѣть, гдѣ находятся сундуки
съ добромъ.
Ворошаютъ накрытыми головами,
Кладутъ на возъ, что только захватить.
Родители, когда услышали,
Очень испугались.
Матушка такъ вздыхала,
Укладывалъ свой трудъ:
„Пока приданное приготовила
Много ночей не спала;
Кто это могъ угадать
Кому этотъ трудъ надо будетъ отдать“.

„Крайчвяжей“, сойдя съ воза, угощаются родителями невѣсты и гостей, затѣмъ хозяева садятъ ихъ за столъ на почетное мѣсто и угощаютъ. Около 10 часовъ вечера укладываютъ на возы вещи сундуки съ приданымъ. Прежде чѣмъ вынести сундуки изъ дома, женихъ или одинъ изъ „крайчвяжей“ должны выкупить приданое, платя матери невѣсты немногого мелочи; пока же приданое не выкуплено, мать сидитъ на одномъ изъ сундуковъ и не позволяетъ ихъ выносить. Родители даютъ „крайчвяжем“ каждому по бутылкѣ водки; молодая опоясываетъ ихъ кускомъ полотна „стоминас“, а „бролайчам“, которые выносятъ приданое, даетъ по парѣ перчатокъ. При этомъ всѣ шафера со стороны молодого воруютъ для него изъ дома молодой, что попадаетъ подъ руку, такъ что оставшимся иногда нечѣмъ кушать; не было случая, чтобы изъ этихъ ворованныхъ вещей что нибудь пропало: все сполна привозится въ домъ молодого. При отѣздѣ „крайчвяжей“ съ приданымъ мать поетъ:

„Куда теперь я дѣнусь?
Мой трудъ уже отобрали;
Пустяки—трудъ и сундуки:
Матъ жаль моей дочери!

Всѣмъ объявляю эту новость.
Смотрю,—везѣ пусто:
Нѣть пуховиковъ, нѣть сундуковъ,
Куда ни взгляну—пусто!

„Крайчвяжей“, прѣхавъ съ приданымъ въ домъ „молодого“, угощаютъ гостей привезенной водкой изъ дома „молодой“ и ожидаютъ двухъ „бролайчей“ со стороны новобрачной. Пока же всѣ гости толпятся за столомъ въ почетномъ углу, который два вышеупомянутые шафера должны выкупить, чтобы усадить туда по прѣздѣ „молодую“. Наконецъ, прѣезжаютъ „бролайчей“ и выкупаютъ почетный уголь водкой или виномъ, тогда всѣ гости оставляютъ это мѣсто и поютъ:

Ожидаемъ мы невѣстку
Съ искреннимъ сердцемъ,

И уступаемъ уголь
Отъ чистаго сердца.

Въ это время молодая, уѣзжая изъ дома своихъ родителей, падаетъ къ ногамъ послѣднихъ и низко кланяется всѣмъ гостямъ, которые, провожая ее, поютъ:

„Испугалось уже сердечко,
Нѣть у насъ уже этой сестрицы,
Куда ни пойдемъ, куда ни взглянемъ
Своей подруги не имѣмъ.

Плохая у насъ новость:
Вырвали лѣвицу у насъ неожиданно.
Не до шутокъ, не до смѣху:
Что ты (молодой) сдѣлалъ,—понимаешь“?

Сама новобрачная и ея подруги поютъ при отъездѣ:

Прощай матушка, прощай старая,
Прощай сердечко мое милое!
Можетъ быть провинилась здѣсь будучи,
Твое сердечко опечаливъ.
Уже пришло время, уже пришелъ часъ,
Что надо разставаться: это не новость.
Ни разу плачущей
Уже не увишишь меня идущей.
О, Боже мой, о Боже мой!
Оставляю батюшку, матушку свою;
Уже я выхожу изъ этого дома,
Оставляю мѣсто всѣмъ спокойное.
Благодарю батюшкѣ и матушкѣ
За то, что воспитали меня сиротиночку.
Теперь я, выходя изъ дому,
Прощаюсь сердечно плачу,
Я мѣсто друзьямъ уступаю и вздыхаю.
Пришло уже время разставаться,

Мнѣ уже нужно будетъ забыть всю
молодость.
Какъ мнѣ съ вами здѣсь было хорошо!
Вспомните ли, что меня нѣтъ?
Надоѣдать, надо въ путь собираться;
Послѣдній разъ голову склонить,
Такъ какъ уже выхожу, васъ оставляю.
Въ моей печали не будетъ утѣшенія.
Сейчасъ оставляю милое для себя мѣсто,
Я выхожу бѣдная въ свѣтъ.
Хорошо не знаете въ какое мѣсто,
Можетъ быть горючими слезами залитое
Уже скоро, скоро отсюда уѣду,
Сестрица, братьевъ буду оплакивать.
Послѣдній разъ разставалась,
Цѣлую всѣхъ, обнимаю:
Дай Боже счастливо разстаться,
Въ чужой сторонѣ хорошо жить!

Въ домѣ жениха новобрачную встрѣчаютъ отецъ его со
свѣчей въ рукахъ, мать съ хлѣбомъ — солью, а братъ или
сестра съ виномъ. Мать поетъ:

„Здравствуй ты, невѣстушка,
Я приму тебя за доченьку,
Если доброе сердце будешь имѣть,
Если своихъ родителей полюбишь,

Хорошо тебя буду содержать,
Позволю долго спать;
А если будешь ты злю,
Часто пойдешь ты къ забору (плакать?)

Послѣ этого отецъ пьетъ здоровье сына, а мать — невѣстки,
сажаютъ молодыхъ за столъ и угошаютъ. Спустя нѣкоторое время
отводятъ „молодыхъ“ въ опочивальню. При этомъ нужно за-
мѣтить, что невѣстка должна явиться передъ свекровью въ
вѣничальномъ вѣнѣ, который свекровь сама на другой день
утромъ снимаетъ съ ея головы.

Утромъ „молодыхъ“ встрѣчаютъ съ музыкой и въ этотъ
день около полудня начинается „обѣдъ молодой“. Новобрачная
идетъ въ амбаръ, гдѣ уже стоять ея сундуки съ приданымъ
и яствами. Музыканты, перввязанные невѣстою па крестъ кус-
ками полотна, стоять у дверей амбара и играютъ. „Молодая“
начинаетъ одаривать родственниковъ мужа: отецъ получаетъ
кусокъ матери на костюмъ, мать — шелковый платокъ, кофту и
юбку, сестры — по платку, братья — по шарфу и утиральнику,
каждый изъ „бролайчей“ по утиральнику и „стоминас“, кото-
рымъ послѣдніе перевязываются на крестъ, каждая „памэргэ“ —
или по платку или по куску холста. Послѣ этого „помэргэй“

несутъ изъ амбара въ избу все съѣдное, которое привезла „молодая“, а каждый изъ „бролайчей“ несетъ по бутылкѣ вина или водки.

Въ концѣ стола садятся „молодые“, вокругъ стола—остальные гости, и старшій изъ „бролайчей“ со своимъ товарищемъ подходитъ къ каждому гостю съ тарелкой, на которой уже лежитъ нѣсколько рублей: гость бросаетъ на тарелку деньги и получаетъ рюмку вина. Каждый гость, держа въ руѣ рюмку съ виномъ, непремѣнно хвалить обѣдъ „молодой“ и какъ-бы со жалѣя ее, говоритъ: „Чтобы жизнь твоя была свѣтла, какъ серебро, бѣла, какъ бѣль хлѣбъ молодой; полна,— какъ полна эта рюмка и горя ни капельки, какъ въ этой, выливаемой мною рюмкѣ“. Въ это время поютъ;

Ой невѣстушка, что здѣсь дѣлается!
Куда не взглянь, уже не тотъ дворъ.
Старые и молодые, большие и малые
Всѣ смотрѣть, красили невѣсту.
Одни говорять: „очень красива“.
Другіе говорятъ: „немного мала“
Одни говорятъ: „средняя“,
„Хорошая будетъ мужу хозяйка“,

Другіе говорятъ, немного черная, не-
много бѣла,
За то сердечко ея чистое“.
„Братець—молодой!“
Не было ли у тебя здѣсь же дѣвушекъ?
Посмотри по угламъ, что тамъ тво-
рится:
Здѣшнія дѣвицы тебя ругаютъ!“...

Затѣмъ „бролайчей“ со стороны „молодого“ платятъ музыкантамъ и ведутъ плясать „молодую“. Она пляшетъ въ рукавицахъ, которая и отдаетъ послѣ танца своему кавалеру, конечно, каждому—другія, а остальнымъ гостямъ даетъ по куску пирога.

Когда молодая угощаетъ своимъ обѣдомъ шаферовъ и друзекъ, дѣвицы и старые женщины, издѣваясь надъ поѣзжанами, поютъ:

Были бы красивые парни,
Кабы не рѣдкіе зубы;
Между зубовъ въ промежуткахъ
Овесь растеть.
Тега, тега гусочки
Овесь щипатъ!
Были-бы красивыя дѣвушки
Кабы не рѣдкіе зубы.
Между зубовъ въ промежуткахъ
Кустарники растутъ.
Циба, циба, козочки
Кустарники грызть!
Кушайте, кушайте гости мои,
Не наполняйте (2 раза) свои карманы:
Ваши карманы изъ пяти штукъ холста

Наполните пирогами изъ пяти печей.
Сѣли, сожрали пестраго кабана моего:
Съ колытами, со щетиной, со всякой
вслчиной.
Сѣли, сожрали моего бычка:
Съ рогами, съ колытами, со всякой вся-
чиной.
Убили комара—наварили цѣлый котелъ:
Жрутъ обжоры, жрутъ ненасытные.
Убили муху—сварили половину;
Убили ворону—сварили внутренности;
Убили медведя, сварили кишкі;
Убили зайца, сварили немногого.
Ненасытное брюхо! развѣ еще недостаточно?

Въ послѣдній день свадьбы всѣ окружаютъ главнаго „пирлиса“ и такъ поютъ.

Сватъ-лгунъ,
Это твое дѣло:
Гдѣ нѣтъ ничего,
Тамъ ты указалъ сокровища.
Вѣрь сей! на здоровье!
Такъ говарить сватъ:
Что теперь есть время
Очень богатое.
У него (жениха) три свиньи,
Четыре быка,
Лошадей четверка
Коровы три имѣеть.
У него всего полно,
Шолны закрома,
За печью имѣеть
Денегъ котель.
Есть у этого парня
Богатство двойное:
Еще и по книгѣ
По складамъ читать умѣеть...
Женился этотъ скотъ.

Только нашли курицу
И пѣтуха безъ ноги,
Да ступа дырявая
У дверей валается.
Еще грибовъ
Мѣшокъ сушеныхъ;
Корзину лаптей
На зиму плетеныхъ.
Тамъ было
Блюдо свеклы,
На верху свѣтилась
Кучка таракановъ.
Грамотей молигль не знаетъ,
Да и бѣдникъ онъ голый.
Чтобы этотъ сватъ пропалъ!
Чтобы въ аду разбился!
Какъ тотъ гусь безъ крыльевъ,
(Такъ онъ) безъ сюртука, (даже) безъ
полы
Чтобы этого свата куда нибудь загнали,
Да подъ крышей повѣсили.

И вотъ хватаютъ „пирлиса“ и связываютъ соломенной веревкой, одинъ конецъ которой просунутъ между потолкомъ и балкой, между тѣмъ одинъ изъ присутствующихъ, сѣвъ на окно читаетъ приговоръ.

„Вотъ приговоръ, произнесенный надъ сватомъ—большимъ лгуномъ, великимъ воромъ, который укралъ живаго человѣка.

„Просимъ Васъ, Милостивые Государи и Милостивыя Государыни—гости, выслушать этотъ приговоръ.

„Этотъ страшный и славный приговоръ постановленъ во времена короля Лигета *), въ лѣто то и это, лѣтій его знаетъ въ которое, въ Октябрѣ мѣсяцѣ 21 дня, т. е. когда кошки собакъ травили, когда старыя бабы быковъ стригли, а лисицы, сидя на хвостахъ, смигались надъ ними, когда сосны цвѣли, когда пирогами снѣгъ падалъ, а бубликами дождь шелъ; птица съ желѣзнымъ клювомъ черезъ ту землю летѣла и куда не слѣдуетъ косыми глазами черезъ щель смотрѣла; когда волкъ съ козломъ на одной свадьбѣ были, тогда барсукъ былъ поваромъ, воробей сватомъ, сорока пиво варила, дятелъ дрова

*) Миенческая личность; „лигенти“—сравнивать.

рубилъ, заяцъ въ барабанъ билъ, свинья въ козий рогъ трубила, соловей пѣсни пѣлъ, серна съ козой „сову“ (танецъ) танцевали; когда лошадиными зубами звонили, медведь дудки выдѣлывалъ и въ нихъ трубиль; пѣтухъ лаялъ, собака пѣла, кукушка ворковала, голубь куковалъ, ящерица, поднявъ голову, на кукушку смотрѣла, а мыши кота ругали. Вотъ тогда то и былъ єтотъ приговоръ постановленъ на свата — лгуня, этого великаго вора, который и самъ въ это время явился на свѣтъ.

„Волкъ съ козами былъ на одной свадьбѣ и съ большой радости, не вытерпѣвъ, пошелъ танцевать. Знаемъ и мы, каковъ у него волчій обычай собачій. Кружась отъ радости, онъ началъ лягаться и выбилъ изъ пня малевъкаго, какъ спопикъ бобовъ, ребенка, — лгуня и большаго вора.

„Этотъ мальчикъ былъ очень живой и верткій, какъ нижнее жерново; кружась — схватилъ волка за хвостъ у самого корня и не пускалъ его; волкъ же, крѣпко испугавшись, думая, что это козель его за хвостъ схватилъ, пустился бѣжать. Когда онъ бѣжалъ черезъ деревню Кепали, черезъ дворъ Карклина (кустарникъ) и Лаздина (орѣшникъ) волкъ быстро обернулся и этотъ мальчикъ оборвался съ волчьего хвоста, но и хвостъ оборвалъ. Этотъ мальчикъ съ волчьимъ хвостомъ въ деревнѣ Кепали выросъ между деревянной печкой и костромъ изъ камней, и назвали этого мальчика по имени воръ, по фамиліи лгунъ. Выросъ онъ большой — не малый: надъ всѣми ворами воръ. Онъ обокралъ Целучи (деревня) и растерзалъ около Клонгъ (деревня) всѣхъ козъ. Въ дер. Ожбачахъ укралъ сало и горохъ твердый. Онъ былъ быстрый и смѣлый, какъ кабанъ. Всѣ дѣвки и вдовы просили его сосватать имъ мужа. Въ то время Паусисъ имѣлъ намѣреніе взять себѣ жену изъ дер. Граужеанъ изъ дома Станулиса. Тогда вышеупомянутый воръ, зайдя въ домъ одной дѣвицы, обманулъ, провелъ ее: „Иди, молодая красивая дѣвица въ это богатое мѣсто: тамъ ты найдешь сыромъ мощенные мосты, прудъ молока, сметаны колодецъ, пива погребъ, водки складъ, коля селедками обвѣшанные, заборы калбасами гороженные, крыши полтигами сала крытыя *) и печи изъ воска

*) Полть, полоть, полтига — половина туши свиной.

сдѣланныя, меду—запечье, заборъ въ усадьбахъ изъ пчелинныхъ ульевъ, зерномъ сараи наполненные, масломъ девять закромовъ, въ сушильнѣ (*жардаc**) наполнены, женщины масло вязанками носять, носами теребятъ. Теперь же, когда мы пришли въ это богатое славное мѣсто, нѣтъ и на зубы чего положить и ступицы въ колесѣ не наполнилъ бы. Найдемъ мы теперь твою правду, которая также чиста, какъ топка курной печи.

„Мы имѣемъ грамоту, данную самимъ адомъ, чтобы намъ было дано право искать вора на завалинкахъ, подъ кроватями, возлѣ стѣнъ, подъ лавками и въ печи, и за печью, но преимущественно—издали. Здорово свать—лгунъ! Теперь открыли мы твою правду, господинъ свать, но уже живымъ не останешься: приговорить къ наказанію тебя справедливый судья—Григасъ-брюхачъ, мясникъ, у которого борода, какъ дышло или какъ затычка дымовой трубы. Онъ окажеть намъ справедливость чистую, какъ топка курной печи. Вотъ каковъ *судъи славный приговоръ*:

„Завернувъ-ли въ пуховикъ—розгами высѣчь, въ лознякъ-ли его (свата) заведя—грибными кочерыхками заколоть, поставивъ-ли его за тремя стѣнами—пучкомъ льна убить, въ бобы ли его заведя—на стеблѣ боба повѣсить, подвѣсивъ ли его на сушильнѣ—собаками окружить, бычками травить; на печь ли поднявъ—заморозить, пивомъ ли его отъ жажды уморить, въ поле ли пустить и дѣвками травить, чтобы его старыя дѣвки разорвали, на плотъ ли его поставивъ—въ рѣку спихнуть и сказать слѣдующія слова: Эхъ, господинъ свать, довольно уже тебѣ молодыхъ обманывать и вратъ міру: иди теперь въ море. Но лучше всего снесите его за огородъ и повѣсьте или на березѣ, или на висѣлицѣ.

„Онъ покорнѣйше просить, чтобы высоко его не вѣшали, чтобы кредиторы могли долгъ отнять и наказать его. Но господинъ свать не отчаивайся, будь весель—какъ козелъ, будь мраченъ—какъ весна, не будь пугливъ—какъ свинья, будь смѣль—какъ овца.

*) Постройка для просушки головокъ льна и др. растеній.

„Видите! Стоитъ онъ въ отчаяніи, не можетъ поднять ноги! Но еслибъ я приблизился по зубамъ тебя съѣздилъ бы, а если бы еще ближе подошолъ—по зубамъ бы треснуль. Увидать дѣвки и бабы, какъ собаки нападутъ на твои внутренности, разнесутъ свиньи и кишкы, выклюютъ тебѣ вороны глаза. Хватайте его, братцы, чего смотрите! тяжите веревку къ потолку! Зачѣмъ этого вора еще тутъ держать! Только не хватайте за кишкы!“

При послѣднихъ словахъ, которые поются, свата на веревкахъ подтягиваютъ къ потолку. Онъ же въ это время вынимаетъ изъ кармана бутылку съ водкой и старается облизть присутствующихъ. Держать его до тѣхъ поръ, пока молодая не прикроетъ его кускомъ холста, желая этимъ выкупить свата.

Этимъ обряды свадьбы и кончаются. Въ пятницу, субботу—по случаю поста—пирушка прекращается, но воскресенье опять гуляютъ цѣлый день.

Записалъ учитель В. Гейслеръ.

Ред. К. Гуковскій.

